

Лермонтову, широкая слава которого началась после создания «Смерти поэта». Кроме того, слова «неведомый поэт, но юный» не являются ли невольным повторением, безотчетным отзвуком известных, запоминавшихся слов Лермонтова:

И он погиб и взят могилой
Как тот певец, неведомый, но милый.

В. Баранов

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. Стихотворения А. И. Полежаева. М. — Л., изд. «Academia», 1933, стр. 631—632.

² Н. Бельчиков. Запрещенные цензурой стихотворения Полежаева. — «Лит. наследство», т. 15, 1934, стр. 61.

³ Стихотворения А. И. Полежаева. Вступ. статья, ред. и прим. Н. Ф. Бельчикова. М., «Сов. писатель», 1939, стр. 312 (разрядка наша. — В. Б.).

⁴ Неизд. — ИРЛИ, ф. Языковых (19. 4. 104. — Яз. IV. 1).

⁵ «Славы жадный» — характерный для Полежаева эпитет. Полежаев наделяет им себя (см., например, «Чир-Юрт», I, стр. 49—52). Этой чертой отмечен им и Лермонтов.

⁶ В 1916 г. Н. О. Лернер опубликовал более полный текст «Венка» по авторитетной копии, где впервые был вариант «юный». Однако публикатор предпочел остаться при прежнем чтении, приняв его за авторскую поправку («Русская старина», 1916, № 7, стр. 1—11).

Не случайным является и другой вариант автографа: «поэт» вм. «певец». Полежаев в стихотворениях разных лет четырнадцать раз называет себя «певцом». Зато имя поэта в его творчестве почти безраздельно принадлежит Пушкину (в «Венке на гроб поэта» Полежаев впервые в русской литературе назвал Пушкина «народным поэтом»).

V. НОВОНАЙДЕННОЕ ПИСЬМО О ДУЭЛИ И СМЕРТИ ЛЕРМОНТОВА

Мемуарная литература о дуэли и смерти Лермонтова чрезвычайно бедна. Все воспоминания о гибели поэта написаны много лет спустя, что, естественно, заставляет относиться к ним с большой осторожностью. Кроме того, непосредственные свидетели трагедии — Э. А. Шан-Гирей и А. И. Васильчиков — в своих воспоминаниях прилагают все усилия для затушевывания собственной неприглядной роли и для оправдания убийцы поэта, Мартынова.

Более ценным и достоверным источником для освещения темных обстоятельств последней дуэли Лермонтова явились бы, конечно, письма современников и очевидцев этого события. Однако до сих пор было известно только одно такое письмо дальней родственницы поэта, Е. Быховец, от 5 августа 1841 г., напечатанное шестьдесят лет назад¹.

Ниже мы публикуем еще одно письмо из Пятигорска в Петербург некоему Александру Кононовичу², написанное шесть дней спустя после гибели Лермонтова (хранится в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде).

Автор письма, — петербуржец, представитель среднего, неродовитого дворянства, — некто Полеводин, приехал лечиться в Пятигорск в начале июня 1841 г. (не тот ли это Петр Тимофеевич Полеводин, который упоминается в материалах архива Д. П. Ознобишина?)³. Не принадлежа к компании гвардейской молодежи, окружавшей Лермонтова, Полеводин, тем не менее, имел возможность близко наблюдать ее времяпрепровождение. Простота пятигорских нравов, возможно, позволила ему и лично познакомиться с некоторыми из действующих лиц драмы.

Письмо Полеводина — непосредственный, живой отклик на события; оно проникнуто горячим сочувствием к безвременно погибшему поэту и свидетельствует, в противовес утверждениям некоторых мемуаристов, об огромной популярности Лермонтова среди современников. Рассказ Полеводина о дуэли и смерти поэта особенно важен тем, что излагается со слов секундантов. Тем самым письмо это является значительным документом для освещения обстоятельств гибели Лермонтова.

Из подробностей дуэли в письме Полеводина существенно подтверждение отказа Лермонтова стрелять в Мартынова и того факта, что поэт держал пистолет дулом вниз. Как известно, сам Мартынов уверял всегда, что Лермонтов в него старательно целился⁴. В мемуарной литературе нередко встречаются попытки изобразить убийцу поэта добродушным и симпатичным человеком, «слепым орудием провидения», как любил называть себя Мартынов. Полеводина же показывает настоящее, хищное лицо «подлеца и труса» Мартынова, «чистейшего сколка с Дантеса».

Приведенный Полеводиным отзыв Л. С. Пушкина о дуэли, состоявшейся «против всех правил и чести», подтверждает взгляд современников на нее, как на простое убийство. Наконец, чрезвычайно важно свидетельство Полеводина о негодовании, охватившем пятигорское общество, требовавшее сурового возмездия Мартынову. Это глухое возмущение вызвало серьезную тревогу властей, и они приняли свои меры⁵.

Из всего фактического материала, сообщаемого Полеводиным, следует решительно отвергнуть достоверность лишь одного свидетельства о нелепом экспромпте, якобы произнесенном поэтом. Он опускается нами, так как относится к числу апокрифических стихов, во множестве ходивших тогда в Пятигорске и приписывавшихся Лермонтову⁶.

Не исключена, конечно, возможность, что Лермонтов действительно произнес какой-то экспромпт, искаженный впоследствии в устной передаче, по поводу похищенного им в шутку не рукоделья Э. А. Клийгенберг, а золотого бандо (обруча) Е. Быховед. Последняя рассказывала, в упоминавшемся выше письме, о своей встрече с Лермонтовым перед дуэлью: «Как приехали на Железные, Лерм(онтов) сейчас прибежал; мы пошли в рощу и всё там гуляли. Я всё с ним ходила под-руку. На мне было бандо. Уж не знаю, какими судьбами коса моя распустилась, и бандо свалилось, которое он взял и спрятал в карман»⁷. После дуэли это бандо было найдено в кармане поэта, обгаренное кровью.

Окончание письма Полеводина, не относящееся к Лермонтову, нами опускается, так же как и неуклюжие стихотворные эпитафии к нему, сочиненные Полеводиным и выдаваемые им в шутку за стихи Пушкина и Е. П. Ростопчиной. На полях письма — приписка некоего А. Мейера, тоже петербуржца, лечившегося в Пятигорске и жившего там вместе с Полеводиным. Подписи Полеводина в публикуемом письме от 21 июля 1841 г. нет. Она имеется в предшествовавшем письме, от 9 июня 1841 г., тоже из Пятигорска. Приводим отрывки из этого письма, так как оно содержит небезынтересные штрихи быта пятигорского общества того времени.

I

<Пятигорск. 9 июня 1841 г.>

<...> Жизнь я здесь веду хотя однообразную, но довольно веселую: здесь маленькое местечко, следственно вся публика, приехавшая и здешняя, вместе. Образ жизни мой таков: в 5 часов утра пью воду, в о д о п о й этот продолжается иногда до 7, а иногда до 8 часов, после этого пью маренковой кофе, после еду в ванну, после отдыхаю, катаюсь верхом,

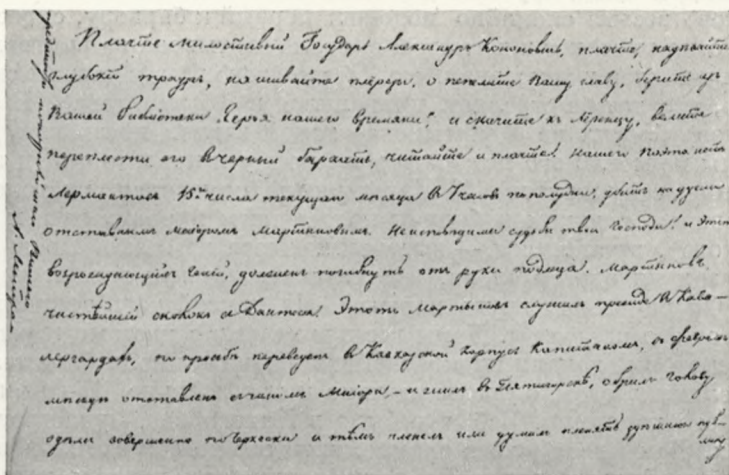
в 1-м часу обедаю; вечером опять пью воду, катаюсь, иду на бульвар, на котором каждый день играет музыка с 5 до 8 часов и где собирается вся пятигорская публика, потом пью чай и в 10-м часу ложусь спать. Каждое воскресенье здесь в дворянском собрании балы <...> Будьте здоровы и счастливы, чего от души желает Вам преданный Полеводин <...>

9-го июня 1841 г.
Пятигорск

II

Июля 21-го 1841 г. Пятигорск.

<...> Плачьте, милостивый государь Александр Кононович, плачьте, надевайте глубокий траур, нашивайте плёрезы, опепелите Вашу голову, берите из Вашей библиотеки «Героя нашего времени» и скачите к Лёрренду⁸, велите переплести его в черный бархат, читайте и плачьте. Нашего

ПИСЬМО П. Т. ПОЛЕВОДИНА К НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ
ОТ 21 ИЮЛЯ 1841 г. С СООБЩЕНИЕМ О ДУЭЛИ И СМЕРТИ
ЛЕРМОНТОВА

Нижняя половина первого листа

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

поэта нет, — Лермонтов * 15-го числа текущего месяца в 7 часов пополудни убит на дуэли отставным маиором Мартыновым. Неисповедимы судьбы твои, господи! И этот возрождающийся гений должен погибнуть от руки подлеца: Мартынов — чистейший сколок с Дантеса. Этот Мартынов служил прежде в кавалергардах, по просьбе переведен в Кавказский корпус капитаном, в феврале месяце отставлен с чином маиора, — и жил в Пятигорске, обрил голову, оделся совершенно по-черкесски и тем пленял, или думал пленять, здешнюю публику. Мартынов никем не был тершим в кругу, который составлялся из молодежи гвардейцев. Лермонтов, не терпя глухих выходов Мартынова, всегда весьма умно и резко трунил над Мартыновым, желая, вероятно, тем заметить, что он ведет себя неприлично званью дворянина. Мартынов никогда не умел порядочно отшутиться — сердился, Лермонтов более и более над ним смеялся; но смех его был, хотя едок, но всегда деликатен, так что Мартынов никак не мог к нему придраться. В одно время Лермонтов с Мартыновым и прочею молодежью были у В(ерзилиных) (семейство казацкого генерала). Лермонтов,

* Здесь, как и далее в этом письме: Лермантов.

в присутствии девиц, трунил над Мартыновым целый вечер, до того, что Мартынов сделался предметом общего смеха, — предложением к тому был его, Мартынова, костюм. Мартынов, выйдя от В(ерзилиных) вместе с Лер(монтовым), просил его на будущее время удержаться от подобных шуток, а иначе он заставит его это сделать. На это Лер(монтов) отвечал, что он может это сделать завтра и что секунданты его об остальном с ним условятся. На другой день, когда секунданты (прапорщик конногвардейский Глебов⁹ и студент князь Васильчиков¹⁰) узнали о причине ссоры, то употребили все средства помирить их. Лер(монтов) был согласен оставить, но Мартынов никак не соглашался. Приехав на место, назначенное для дуэли (в двух верстах от города на подошве горы Машука, близ кладбища), Лермонтов сказал, что он удовлетворяет желанию Мартынова, но стрелять в него ни в каком случае не будет. Секунданты отмерили для барьера пять шагов, потом от барьера по пяти шагов в сторону, развели их по крайний след, вручили им пистолеты и дали сигнал сходитьсь. Лер(монтов) весьма спокойно подошел первый к барьеру, скрестив вниз руки, опустил пистолет и взглядом вызвал Мартынова на выстрел. Мартынов, в душе подлец и трус, зная, что Л(ермонтов) всегда держит свое слово, и радуясь, что тот не стреляет, прицелился в Л(ермонтова). В это время Л(ермонтов) бросил на М(артынова) такой взгляд презрения, что даже секунданты не могли его выдержать и п о т у п и л и о ч и д о л у (все это сказание секундантов). У Мар(тынова) опустился пистолет. Потом он, собравшись с духом и будучи подстрекаем презрительным взглядом Л(ермонтова), прицелился, — выстрел... Поэта не стало! После выстрела он не сказал ни одного слова, вздохнул только три раза и протиснулся к жизни. Он ранен под грудь навзлет. На другой день толпа народа не отходила от его квартиры. Дамы все приходили с цветами и усыпали его оными, некоторые делали прекраснейшие венки и клали близ тела покойника. Зрелище это было восхитительно и трогательно. 17-го числа в час поединка его хоронили. Всё, что было в Пятигорске, участвовало в его похоронах. Дамы все были в трауре, гроб его до самого кладбища несли штаб и обер-офицеры и все без исключения шли пешком до кладбища. Сожаления и ропот публики не умолкали ни на минуту. Тут я невольно вспомнил о похоронах Пушкина. Теперь 6-й день после этого печального события, но ропот не умолкает, явно требуют предать виновного всей строгости закона, как подлого убийцу. Пушкин Лев Сергеевич, родной брат нашего бессмертного поэта, весьма убит смертью Л(ермонтова), он был лучший его приятель. Л(ермонтов) обедал в этот день с ним и прочею молодежью в Шотландке (в 6-ти верстах от Пятигорска) и не сказал ни слова о дуэли, которая должна была состояться чрез час. Пушкин уверяет, что эта дуэль никогда бы состояться не могла, если б секунданты были не мальчики, она сделана против всех правил и чести (...)

Л(ермонтов) похоронен на кладбище, в нескольких саженьях от места поединка. Странная игра природы. За полчаса до дуэли из тихой и прекрасной погоды вдруг сделалась величайшая буря; весь город и окрестности были покрыты пылью, так что ничего нельзя было видеть. Буря утихла и чрез пять минут пошел проливной дождь. Секунданты говорят, что как скоро утихла буря, то тут же началась дуэль, — и лишь только Л(ермонтов) испустил последний вздох, — пошел проливной дождь. Сама природа плакала об этом человеке. Много бы еще подробностей я мог Вам сообщить о жизни его здесь на Кавказе, но лист оканчивается (...)

Больно вспомнить, что Кавказ в самое короткое время лишил нас трех прекраснейших писателей — Марлинского¹¹, Веревкина¹² и Лермонтова¹³.

* * *

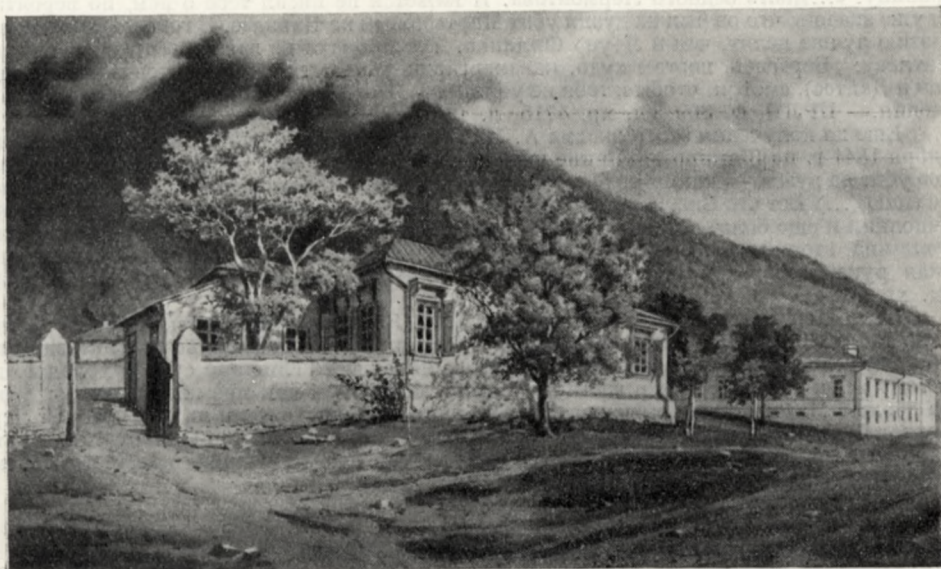
Публикуемое письмо Полеводина заключает в себе ценные подробности для изучения истории гибели Лермонтова. Мимо этого документа не сможет пройти ни один исследователь трагической смерти великого поэта.

А. Михайлова

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. «Русская старина», 1892, № 3, стр. 766—769. — Письмо А. И. Васильчикова к Ю. К. Арсеньеву от 30 июля (1841 г.) из Пятигорска содержит только упоминание о дуэли («Вестник знания», 1928, № 3, стр. 130—131).

² Установить фамилию адресата не удалось. В «Адрес-календаре Санкт-Петербургских жителей» К. Нистрема (СПб., 1844) значатся два лица, носившие это имя и отчество: А. К. Иванов (т. II, стр. 104), служащий Арсенала, состоявший при штабе

ДОМ ВЕРЗИЛИНЫХ В ПЯТИГОРСКЕ

Акварель Л. Премаши, 1883 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

в. к. Михаила Павловича, и А. К. Беляев (т. II, стр. 481), надворный советник, служащий Министерства юстиции.

³ «Петр Тимофеевич Полеводин в С.-Петербурге. В герольдии или в доме Ильина на Козьем болоте» (ИРЛИ. Архив Д. П. Ознобишина). Более точные сведения о Полеводине можно было бы найти в архиве г. Пятигорска, так как там велся строгий учет всех приезжающих на воды. К сожалению, по полученным нами сведениям, все материалы архива уничтожены в 1942 г. немецко-фашистскими оккупантами.

⁴ См., напр., его рассказ, приведенный Бетлингом: «Лермонтов, приостанавливаясь на ходу, продолжал тихо в меня целить <...> Я вспылил. Ни секундантами, ни дуэлью не шутят... и спустил курок» («Нива», 1885, № 20, стр. 475).

⁵ См. «Воспоминания Н. И. Лорера». — «Русский архив», 1874, ч. II, стр. 688.

⁶ См. раздел «Dubia» — Лермонтов, II, стр. 151—155.

⁷ «Русская старина», 1892, № 3, стр. 768. — Подтверждение этого рассказа имеется в воспоминаниях Н. П. Раевского о дуэли Лермонтова в записи В. Желиховской («Нива», 1885, № 8, стр. 187).

⁸ В «Городском указателе или адресной книге врачей, художников, ремесленников, торговых мест, ремесленных заведений и т. п. на 1848 год», сост. Цыловым (СПб., 1849, стр. 291), в разделе «Переплетчики» под № 65 значится: «Лоренц. Гороховая ул., д. Талья».

⁹ М. П. Г л е б о в (см. о нем в настоящем томе, стр. 470—472, 474—476).

¹⁰ Александр Илларионович В а с и л ь ч и к о в (1818—1881) — сын председателя Государственного совета кн. И. В. Васильчикова, чиновник с. е. и. в. канцелярии, секундант Мартынова, автор «Нескольких слов о кончине М. Ю. Лермонтова и о дуэли его с Н. С. Мартыновым» («Русский архив», 1872, кн. I, стр. 205—213). Пелевдин ошибочно называет его студентом, — на самом деле Васильчиков окончил Петербургский университет со степенью кандидата прав в 1839 г. См. о нем выше в статье Л. Ивановой, стр. 436, 440.

¹¹ Александр Александрович Б е с т у ж е в - М а р л и н с к и й (род. в 1797 г.) был убит в районе мыса Адлер 7 июля 1837 г.

¹² Николай Николаевич В е р е в к и н (псевдоним — Рахманный; 1813—1838) — беллетрист, сотрудник «Библиотеки для чтения». В словаре Геннади (1876, т. I, стр. 147) сообщается, что Веревкин умер в Петербурге 5 апреля 1838 г.

¹³ Редакция «Лит. наследства» располагает еще несколькими письмами современников, содержащими неизвестные до сих пор отклики на смерть Лермонтова.

8 августа 1841 г. П. А. Вяземский писал Н. Н. Пушкиной в Михайловское: «...Вы вероятно уже знаете о смерти бедного Лермонтова. Это нас всех очень поразило и опечалило» (ЦГЛИА, ф. 195, ед. хр. 1305, л. 13).

9 сентября 1841 г. П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу из Царского села за границу: «...Жаль бедного Лермонтова. Я кажется не писал тебе о нем, но вероятно ты уже знаешь, что он был на дуэли убит Мартыновым на Кавказе. Я говорю, что в нашу поэзию лучше целят, чем в Л(уи) Филиппа. Тут промаха не дают: цесаревич говорил Мятлеву: „Берегись, поэтам худо, кавалергарды убивают их (Мартынов кавалергард, как и Дантес), смотри, чтобы и тебя не убили“. — „Нет, отвечал он, еще не моя очередь“» (копия. — ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 4715, л. 136).

Еще до получения этого письма А. И. Тургенев сообщал В. А. Жуковскому 6 сентября 1841 г. из Шампрозе: «Какие ужасные вести из России! Сердце выныло: Лермонтов убит на дуэли — каким-то Мартыновым, *roug une affaire de gaimain* * ничего более не знаю <...> Вот что Вяземский <пишет> Булгакову о дуэли Лермонтова: „Он уже много исполнил и еще более обещал. В нашу поэзию стреляют удачнее нежели в Лудов(ика) Филиппа, второй раз не дают промаха. На Пушкина целила по крайней мере французская рука, а русской руке грешно было целить в Лермонтова“» (ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 4714).

Н. А. Мельгунов писал из Флоренции Н. М. Языкову 1 декабря н. с. 1841 г.: «Спасибо Вам за последние стихи Лермонтова. Скажите, его „Завещание“ — фантазия или в самом деле написано перед смертью? Для умирающего слишком сухо и холодно, да к тому ж он говорит: „умер честно за царя“, между тем как мне писали, что он убит на дуэли с Мартыновым, вызвавшим его за княжну Мери (читали ль?), в которой Лермонтов будто представил сестру того, как Вам об этом писал. Больно грустно. Ничто даровитое не держится у нас на Руси, между тем как Булгаринны цветут здравием» (ИРЛИ, ф. Языкова — Яз. 1, 28).

* мальчишеская ссора (франц.).